

Институт российской истории Российской академии наук
Российское историческое общество
Китайское историческое общество
Администрация г. Коломны
Московский государственный областной
социально-гуманитарный институт

Великая Отечественная – известная и неизвестная:

*историческая память
и современность*

Материалы
Международной научной конференции
Москва – Коломна, 6–8 мая 2015 г.

Москва
2015

УДК 941(47)
ББК 63.3(2)
В27

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 15-31-11561)
и Федерального агентства научных организаций России

Ответственный редактор:
Ю.А. Петров

Редакционная коллегия:
Ю.А. Петров (председатель), С.В. Журавлев, Д.Б. Павлов

В27 Великая Отечественная — известная и неизвестная: историческая память и современность: материалы междунар. науч. конф. (Москва — Коломна, 6—8 мая 2015 г.) / отв. ред.: Ю.А. Петров; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук; Рос. ист. о-во; Китайское ист. о-во и др. — М.: [ИРИ РАН], 2015. — 312 с.: 16 л. ил.
ISBN 978-5-8055-0281-2

В сборнике представлены материалы международной научной конференции, приуроченной к 70-летию Великой Победы, в работе которой приняли участие ученые-историки из России, Китая, США, Республики Корея и Украины. Основное внимание уделено экономике войны как фактору Победы, проблеме «человек, общества и война», исторической памяти о войне и вкладу ученых-историков в ее сохранение, освободительной миссии Красной Армии в 1944—1945 гг. в Европе и на Дальневосточном театре войны, вкладу Китая в разгром японского милитаризма.

ISBN 978-5-8055-0281-2

© Институт российской истории РАН, 2015
© Российское историческое общество, 2015
© Коллектив авторов, 2015

Содержание

Приветствия участникам и гостям конференции

Приветствие С.Е. Нарышкина, Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Председателя Российского исторического общества.....	9
Приветствие академика Чжан Хайпэна, председателя Китайского исторического общества.....	9
Приветствие Ю.А. Петрова, директора Института российской истории, доктора исторических наук, профессора.....	10
Приветствие В.Н. Фридлянова, председателя совета Российского гуманитарного научного фонда, доктора экономических наук.....	11
Приветствие В.И. Шувалова, руководителя Администрации городского округа Коломна.....	12
Приветствие А.Б. Мазурова, ректора Московского государственного областного социально-гуманитарного института, доктора исторических наук, профессора, депутата Московской областной Думы.....	13

Раздел 1. Экономика войны как фактор победы

<i>М.Ю. Мухин</i> Авиапромышленность СССР в годы Великой Отечественной войны.....	17
<i>Е.М. Малышева</i> Экономические ресурсы Кавказа в планах Третьего рейха.....	25
<i>М.Ю. Моруков</i> ГУЛАГ как фактор военной экономики.....	31
<i>И.В. Быстрова</i> СССР и Ленд-лиз: роль личного фактора.....	40
<i>М.С. Зинич</i> Проблема возвращения похищенных фашистами российских культурных ценностей.....	48

Раздел 2. Человек, общество и война

<i>С.В. Журавлев</i> Государство, общество и война.....	57
<i>Д.В. Ковалев</i> К оценке соотношения людских потерь СССР и Германии в ходе Великой Отечественной войны.....	68
<i>Е.С. Сенявская</i> Советский воин-освободитель в Европе: психология и поведение.....	73
В.Н. Земсков Репатриация советских перемещенных лиц: современные подходы.....	81

<i>В.А. Невежин</i>	
Оценка И.В. Сталиным военных усилий СССР и союзников по антигитлеровской коалиции (1941—1942 гг.).....	89
<i>Н.К. Петрова</i>	
Советские женщины в годы Великой Отечественной войны.....	95
<i>И.А. Курляндский</i>	
Политика государства в отношении Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны: проблемы историографии.....	106
<i>А.В. Голубев</i>	
«Что сулит будущее?»: Союзники и послевоенная жизнь в представлении советского общества	114

Раздел 3. Историческая память о Великой Отечественной войне.

Материалы Комиссии И.И. Минца

<i>Чжан Хайпэн</i>	
Размышления историка о Второй мировой войне: к 70-летию разгрома фашистской Германии и милитаристской Японии	127
<i>Р.Г. Пихоя</i>	
Великая Отечественная война: взгляд через 70 лет	132
<i>Й. Хелльбек</i>	
Новые ответы на старые вопросы: Сталинградские записи Комиссии по истории Великой Отечественной войны	140
<i>В.В. Тихонов</i>	
Отечественная история как оружие пропаганды в условиях войны.....	152
<i>Д.Д. Лотарева</i>	
Комиссия по истории Великой Отечественной войны: история создания, основные этапы и результаты деятельности	159
<i>К.С. Дроздов</i>	
Подвиг панфиловцев: новые исторические свидетельства (по материалам Комиссии И.И. Минца)	165
<i>Т.М. Жиркова</i>	
Проблемы коллаборационизма в преподавании школьного курса истории Великой Отечественной войны	181
<i>С.Г. Веригин</i>	
Карелия в годы военных испытаний: региональная специфика исторической памяти.....	185
<i>С.В. Маркова</i>	
Особенности историографии Великой Отечественной войны в провинциальном краеведении.....	194

Раздел 4. Освободительная миссия Красной Армии в Европе в 1944—1945 гг.

<i>А.И. Борозняк</i>	
Надписи на стенах рейхстага — памятник освободительной миссии Красной Армии в Европе	201

Т.М. Братченко, А.С. Сенявский

Освободительная миссия Красной Армии во Второй мировой войне
в исторической памяти современного российского социума 210

А.С. Сенявский

Красная Армия в Европе в 1944—1945 гг.: интерпретации истории
как политический инструмент в современном мире 216

В.А. Литвиненко

Освободительная миссия Красной Армии на территории Польши:
проблемы интерпретации в контексте миропроектной конкуренции 224

Е.Н. Концова

Работа политорганов и морально-психологическое состояние личного
состава Красной Армии на завершающих этапах Великой Отечественной
войны: исторические реалии и современные представления 234

Д.В. Веденеев

Роль советских спецслужб в разгроме нацизма (на материалах
разведывательно-диверсионной деятельности НКВД-НКГБ
Украинской ССР) 245

О.В. Сдвижков

Освободительная миссия Красной Армии во Второй мировой войне
в кинематографической ретроспективе 253

Раздел 5. Дальневосточный театр Второй мировой войны

Ли Цзинцзе

Помощь Советского Союза Китаю в антияпонской войне: актуальные
уроки истории 267

Сюй Лань

Англо-американское военное сотрудничество на Дальнем Востоке
перед войной на Тихом океане 268

Цзинь Гуандзяо

Внешняя политика Китая в годы войны с Японией (1937—1945) 272

Чэнь Кайкэ

Советские летчики-добровольцы на антияпонской войне в Китае 277

М.Ю. Мухин

Советский авиазавод в западном Китае 281

А.М. Бирюков

Роль нефтяного фактора в формировании японской внешней политики
периода Второй мировой войны 287

С.П. Ким

Японские военнопленные Второй мировой войны в СССР 296

Мин Кьён Хьён

И.В. Сталин и раздел Корейского полуострова 301

Письмо председателя Китайского исторического общества Чжан Хайпэна
директору Института российской истории РАН Ю.А. Петрову 309

Сведения об авторах 310

новым (редактором академического издания произведений Л.Н. Толстого) в Ясную Поляну вскоре после освобождения Тульской области в конце декабря 1941 г., опрос сотрудников музея-усадьбы и местных колхозников (Там же. Ф. 2, раздел VI. Оп. 4). Итоги работы были освещены в ноте народного комиссара иностранных дел В.М. Молотова от 6 января 1942 г. Также был подготовлен и опубликован сборник: Ясная Поляна: статьи и документы / сост. С.А. Толстая-Есенина, Э.З. Зайденшур, Е.Н. Чеботаревская; под ред. И.И. Минца и С.А. Толстой-Есениной. М., 1942.

¹⁰ НА ИРИ РАН. Ф. 2, раздел VI. Оп. 6 (Харьков); Оп. 10 (Киев).

¹¹ Записка И.И. Минца председателю Комиссии для ознакомления с состоянием материалов рукописного фонда бывшего Института истории АН СССР и разделения их между Институтами истории СССР и всеобщей истории АН СССР д.и.н. С.О. Шмидту // Там же. Ф. 2. Дело фонда. Без пагинации.

¹² Там же. Ф. 2, раздел XIV. Оп. 1. Д. 7. Л. 38.

К.С. Дроздов

Подвиг панфиловцев: новые исторические свидетельства (по материалам Комиссии И.И. Минца)

В фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР¹ имеется уникальный комплекс стенограмм интервью с командирами, бойцами и политработниками 8-й гвардейской стрелковой дивизии имени генерала И.В. Панфилова (бывшая 316-я СД)². Всего в фонде насчитывается 32 стенограммы: 13 стенограмм за 1942 г., две стенограммы за 1944 г. и 17 стенограмм за 1946—1947 гг.

Стенограммы бесед позволяют подробно реконструировать боевой путь дивизии под Москвой в октябре — декабре 1941 г., когда она на протяжении 60 дней вела тяжелейшие оборонительные бои от Волоколамска до станции Крюково, на направлении главного удара противника, с превосходящими ее по численности и боевому оснащению дивизиями вермахта.

На наш взгляд, эти интервью непосредственных участников боев под Москвой, собранные, что называется, по горячим следам событий, по-новому позволяют взглянуть и на такую непростую, актуальную для сегодняшнего дня проблему, как подвиг 28-ми героев-панфиловцев у разъезда Дубосеково. Были ли это только вымысел, миф сталинской пропаганды и военных журналистов или же в основе подвига лежат реальные события, происходившие в течение 16 ноября на одном из участков, который обороняли бойцы 4-й и 5-й рот 2-го батальона 1075-го стрелкового полка полковника Капрова?

В наше время стало модно быть «мифоборцем», развенчивающим всякого рода мифы, в первую очередь, связанные с советской историей. Но увлекшись этим занятием, многие современные исследователи, что называется, вместе с водой выплеснули и ребенка. Это касается и подвига панфиловцев. Еще в начале 90-х годов появились первые критические публикации, в которых факт боя с немецкими танками 28-ми панфиловцев у разъезда Дубосеково 16 ноября 1941 г. признавался литературным вымыслом военных журналистов

«Красной звезды». В результате такое переосмысление нашей истории привело к тому, что сегодня, по сути, отрицается не только этот конкретный бой, но и мужество, героизм, самопожертвование, проявленные бойцами и командирами панфиловской дивизии в кровопролитных боях на подступах к Москве в самый тяжелый период ее обороны — в октябре — декабре 1941 г. Дошло даже до того, что журналист В.А. Красиков, автор книги «История российских побед без ретуши», издеваясь над исторической памятью народа, счел возможным написать, что мемориальный комплекс, выстроенный близ Дубосеково в 1975 г., чем-то напоминает «варварское капище с ритуальными истуканами, величиной с многоэтажный дом». Оскорбляя честь оставшихся в живых Героев Советского Союза — Тимофеева, Шемякина, Шадрина, Васильева, которых называет «героями-панфиловцами» (в кавычках), он пишет: «В послевоенные годы они охотно выступали перед октябрятами и пионерами, рассказывая детишкам, как поджигали один за другим рвавшиеся к Москве германские танки». А произведения советских поэтов и писателей Николая Тихонова, Михаила Светлова, Александра Бека и других, посвященные подвигу панфиловцев, по мнению современного журналиста-«мифоборца», являются лишь продолжением сталинского «патриотически-воспитательного» мифа³.

Но если не было никаких героев-панфиловцев, тогда почему «доблестные германские войска» так и не смогли захватить Москву? Почему Константин Симонов, прочитав книгу А.А. Бека «Волоколамское шоссе», «с удивлением и завистью почувствовал, что ее написал человек, который знает войну достоверней и точнее меня»?⁴

Чтобы ответить на эти справедливые вопросы, обратимся к архивным документам, в том числе и к стенограммам бесед с самими панфиловцами, тем более, что большинство опрошенных были прототипами литературных героев, действующих в повести «Волоколамское шоссе».

Благодаря газетным вырезкам, которые хранятся в фонде Комиссии в личных делах на Героев Советского Союза, нами было установлено, что впервые о героических действиях панфиловской дивизии под Москвой 16 ноября 1941 г. написали не В. Коротеев, В. Чернышев или А. Кривицкий, как утверждали в 1948 г. следователи военной прокуратуры, а корреспондент «Известий» Г. Иванов! В своей статье из действующей армии «8-я Гвардейская дивизия в боях» от 18 ноября, которая была помещена в номере газеты за 19 ноября 1941 г. (т.е. спустя всего лишь два дня после боя в районе Ширяево — Дубосеково — Петелино!), он сообщал о бое одной из рот воинской части командира Капрова. Приведем полностью отрывок из этой корреспонденции, касающийся боя, который вели подразделения 1075-го полка 16 ноября:

«Немецкое командование начало наступление на левом фланге части командира Капрова. Фашисты бросили в бой 60 танков и до одного полка пехоты. Противник намеревался вклиниться в расположение одного нашего подразделения, форсированным ударом пробить линию обороны и выйти в наш тыл.

Разгадав замыслы врага, тов. Капров произвел перегруппировку, обеспечивая надежное охранение флангов.

В 10 часов утра с опушки леса боевым порядком пошли в атаку неприятельские танки. Они двигались развернутой линией. Наши противотанковые подразделения

открыли интенсивный огонь. Во взаимодействии с артиллерией начала действовать наша стрелковая рота. Подпустив фашистов на близкое расстояние, красноармейцы забросали их гранатами.

Группа немецких танков окружила подразделение советских бойцов, открыла кинжальный огонь.

Положение становилось угрожающим, но никто из красноармейцев не оставлял своего боевого места.

А немецкие танки продолжали двигаться вперед, сжимая кольцо, гремя стальными гусеницами.

Было два выхода из положения: или фашистские танки наскочат на наше минированное поле, и приостановят атаку, или... надо противотанковыми гранатами, бутылками с зажигательной жидкостью пробить путь вперед, выйти на соединение с основными силами.

Один немецкий танк взорвался на минированном поле, остальные начали обход этого участка.

И тогда совершилось то, о чем нельзя говорить без восторга. Бойцы спрятались в окопах и стали ждать. Оставалось либо выявить себя и быть уничтоженным пулеметным и артиллерийским огнем, либо зарыться в землю, подпустить неприятеля на близкое расстояние, забросать его танки гранатами.

Люди избрали второе и добились успеха.

Как только враг приблизился на 25—30 метров, группа героев обрушила на него шквал противотанкового огня.

В результате горячей схватки *девять* (здесь и далее в цитатах курсив мой. — К.Д.) танков противника были подбиты, три сожжены, а остальные, не выдержав упорного сопротивления смельчаков, повернули обратно.

Отбив атаку, наша *стрелковая рота* выдвинулась вперед и, пользуясь замешательством врага, соединилась со своей частью»⁵.

Как видим, в статье Г. Иванова сообщается о стрелковой роте, и в помине нет еще никаких 28-ми героев и 18 подбитых ими немецких танков, которые появятся в позднейших публикациях Коротеева и Кривицкого. Более того, количество подбитых немецких танков — девять, причем сторевших только три. И это число не сильно расходится с той цифрой, которую называют членам Комиссии по истории Великой Отечественной войны в своих воспоминаниях непосредственные участники этих событий. Например, «6 танков, подбитые 1-м батальоном», называет Александр Трефилов.

Вот как рассказывали сотрудникам Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР о боях 16 ноября 1941 г. Балтабек Джетпысбаев, на момент боев в ноябре 1941 г. помощник командира 5-й роты 2-го батальона, командир роты автоматчиков Малик Габдуллин и комиссар полка А.Л. Мухамедьяров.

Из стенограммы беседы с Джетпысбаевым Балтабеком, 1907 г.р., казах по национальности, майор, командир 3-го батальона 1075-го полка. Беседу проводит Голубева Р.И., стенографирует Пейсахзон Э.Я. в Алма-Ате 2 января 1947 г.

«...В ночь с 15 на 16 ноября сидели с Клочковым до 2-х часов ночи. Потом легли отдохнуть, готовиться к бою.

Моя рота стояла метрах в 500 от Клочкова. Клочков стоял *со своей ротой* у самой железной дороги, я стоял левее.

Малик Габдул[л]ин командовал ротой автоматчиков.

С утра 16 ноября начали бой. К нам подошли *4 немецких танка*. Два из них подбили, два вырвались. Два раза атака была. Атака была отбита.

Большинство танков пошло в район разъезда Дубосекова, где Клочков погиб. Мы видели: поворачиваются, и туда идут танки. Там шел бой.

Командиром 2-го батальона в это время был майор Решетников, комиссаром батальона был Трофимов. В этот день с утра до позднего вечера не могли прорваться немцы. Много самолетов бомбило наши позиции, танки и пехота.

Перед заходом солнца подбегает один боец связной:

— Клочков погиб, туда просят помощь.

У нас людей мало осталось. Много убитых и раненых. Мы впереди отбиваем атаки, сзади, прямо к нам идет немецкий танк. Танки обошли и появились сзади.

Я говорю:

— Метайте гранаты и бутылки горючей смеси, танки будем подбивать.

Но немцы голову поднять не дают, так стреляют. На танки посажены автоматчики. Из танков бьют пулеметы, и автоматы стреляют.

У нас окопы полного профиля.

Я взял одну гранату. Метров 10 до танка осталось. Нельзя голову поднять. Все равно убьет. Бросил гранату лежа. Танк продолжает идти. Я бросил вторую гранату. Получился взрыв.

Метров за 20 в окопе сидели бойцы, кричат:

— Танк горит.

Все подняли головы, начали стрелять. Я голову поднял. Открылся люк. Из люка хотел выскочить танкист. В другой танк бойцы тоже бросили гранаты. Второй танк тоже загорелся.

Автомат я потерял. Я взял винтовку убитого, выстрелил в танкиста, который хотел вылезть из люка танка. Убил его.

Это происходило днем 16 октября. *У меня осталось 15 человек из 75-ти*. Остальные были убиты и ранены. Два танка сожгли. Шли четыре танка. Два подбили, два повернули обратно.

Связной принес приказ оставить рубеж и отходить, но отходить нельзя было: немцы стреляют. Вылезли по одному из окопа. Перебежали, дальше ползком.

У меня за поясом пистолет и автомат. На опушку леса подполз с остальными людьми.

Вечером пришли в полк, доложили, сколько осталось, сколько убитых, раненых(...)⁶.

Из стенограммы беседы с Габдуллиным Маликом, 1915 г.р., казах по национальности, майор, Героем Советского Союза. В ноябре 1941 г. политрук и одновременно командир роты автоматчиков 1075-го полка. Беседу проводит Кроль, стенографирует Рослякова в Москве 15 февраля 1943 г.

«15-го ноября командир полка полковник Капров призвал меня и сказал так:

— Вы со своими автоматчиками идите в распоряжение командира 5-й стрелковой роты с задачей оказать им помощь. Если противник будет наступать, вы его

танки пропустите, отсеки пехоту от танков и по пехоте сосредоточьте огонь. Когда у вас положение будет тугое, можете самостоятельно отойти, но об этом поставьте в известность командира 5-й роты младшего лейтенанта Аникина.

Я с группой автоматчиков прибыл к нему. На местности мы уточнили обстановку. Его рота расположилась в районе д. Ширияево. Мне дали такой кусок обороны: на западе — Ширияево, на юго-восток — Морозова. В Ширияеве 5-я рота, в Морозове — противник. Морозово от Ширияева находится примерно в полутора километрах. От Морозова до Ширияева идет дорога, по сторонам дороги — открытая местность. Восточнее Ширияева в кустиках я занял оборону. Этот кустик находился от дороги на расстоянии 200-х метров. За кустиком открытая поляна на восток, которая идет до самого Ширияева. Около этих маленьких кустиков протекает ручеек. Здесь мы заняли оборону. Если пойдут танки, мы пропустим, если за танками последует пехота, то по пехоте мы можем с этого места открыть ураганный огонь. У каждого автоматчика было по два заряженных диска автомата.

16-го ноября 1941 г. немцы начали второе генеральное наступление на Москву. В этот день немцы начали наступать на Ширияево. В 8 часов в Морозове был слышен гул моторов. В 8.30 вышли 5 танков противника по направлению Ширияева. За ними шел батальон пехоты. Мы танки пропустили. Танки открыли огонь по Ширияеву, по той роте, которая там была. Вдруг бойцы говорят:

— Товарищ политрук, немцы идут!

— Подождите, пускай идут.

Когда немецкая пехота была на расстоянии 300 метров, я не разрешил открывать огонь. Когда немцы подошли на расстояние 150 метров, я даю команду — огонь! По движущейся пехоте противника мы открыли огонь из всего оружия, которое у нас было. Немцы бросились в панике. Мы выпустили по одному диску и уложили не менее ста немцев ранеными и убитыми. Они начали отходить. В это время один из офицеров в нашем направлении выпустил вверх две ракеты. Как только ракета осветила, по этому кустарнику начала бить артиллерия и минометы. Еще одна ракета, и танки повернули в нашу сторону и начали бить тоже по этому кустарнику. В это время немецкая пехота приняла боевой порядок и начала ползком к нам подходить. Мы снова открываем огонь. Немцы быстро откатываются. Их было батальон, а нас всего 13 человек.

У нас троих легко ранило, у каждого осталось по 10—15 патронов. Положение критическое, очень критическое. Тут наступил психологический момент: во-первых, патронов мало, а у некоторых вышли совершенно, во-вторых, немцы нажимают, артиллерия долбит, мы сидим, как на иголках. Танки бьют, бьют из минометов, пехота стреляет из всех видов оружия: из пулеметов, автоматов и т.д. Немцы, очевидно, думали, что в этом кустарнике находятся не 13 человек, а рота, в крайнем случае. Все бойцы смотрят на меня, что делать? Правда, не спрашивают, что делать, но у всех такой вид, у всех на лицах вопрос — что делать?

Я обдумал положение. Обойти со стороны Ширияева невозможно, потому что там стоят танки и там открытая местность, обойти на восток от этого кустарника тоже нельзя, потому что открытая местность. Если идти вперед — там немцы. Очень тяжелое положение создалось для нас: так погибать, и так погибать. Я говорю, что погибать нельзя, надо драться. Но как драться? Тут надо людей спасти и противнику надо какой-то урон нанести. Я командую: «Автоматчики за мной!» И по этому ручейку ползком на брюхе к Морозово, в тыл противника. Это было в 10 часов утра.

Мы вышли в огороды Морозова, а немцы бьют по этому кустарнику. Смотрим, в Ширяеве (на самом деле речь идет о д. Морозово. — *К.Д.*) две батареи минометные шестиствольные. Эти батареи по нас били. Я говорю:

— У кого патроны есть, открыть огонь по этой батарее!

Открыли. В батарее всех перебили. Неожиданно для нас появились автоматчики (противника). Тут мы у них панику создали. По этой лошадке спустились вниз, где был густой лес, зашли в этот лес. У нас с собою продукты были, водка была с собою. Покушали. Выпили, пошли дальше. Со мною идут Коваленко — старший сержант и Леднев — старший сержант.

— Давайте пойдем в Ширяево, посмотрим, что там такое?

Пошли в деревню. Смотрим, *там немцы бегают, а наша рота отошла.*

— Давай найдем штаб полка и командиру полка доложим.

Приходим *в штаб полка*, где он раньше находился. *Там немецкие танки(...)*

На третий день мы в одной деревне нашли своего командира полка и комиссара(...)⁷.

Из стенограммы беседы с Мухамедьяровым Ахмеджан Латыповичем, гвардии подполковником, комиссаром 1075 полка. Запись беседы сделана 17 октября 1944 года на станции Перхушково

«В середине ноября месяца они окончательно решили перейти в решительное наступление. Тут проявление массового героизма 28 героев панфиловцев. Эти 28 героев — особая группа, которая проявила исключительный героизм, но в эти самые дни было проявление героизма массового порядка и в других братских полках.

Про 28 героев я не хочу рассказывать, потому что это вам хорошо известно, могу рассказать о других товарищах, в частности о тов. Клочкове, политруке(...)

За боевые подвиги, проявленные в первых боях под Волоколамском, представлен к правительственной награде орденом Красного знамени. И он был награжден орденом Красного знамени. О нем мы были очень хорошего мнения. *Считали 4-ю роту самой надежной, такой ротой, которая могла нести службу на самых ответственных участках. Не просто она была поставлена на разведке Дубосеки на левом фланге нашего полка...».*

И далее: «Когда немцы повели наступление на участке второго батальона, в частности 4-й роты, они прорвать там не могли — двадцать восемь не пропустили. Тогда немцы взяли правее, повели наступление на 5-ю роту того же 2-го батальона. Наступление повели танками, автоматчики сидели на танках. *5-я рота приняла на себя всю тяжесть этого боя. Дралась стойко. Не было ни одного случая ухода с боя(...)*»⁸.

Довольно подробно о событиях 16—17 ноября рассказывали и панфиловцы седнего 1073-го полка.

Из стенограммы беседы с Трефиловым Александром Степановичем, гвардии капитаном 1073 полка. Беседу осенью 1942 г. проводил А.А. Бек, стенографировала Уфлянд

«Наша дивизия, согласно разработанному плану, должна была наступать. Мы знали наличие сил противника. Против нас сконцентрировалось 6 дивизий. Противник воспользовался нашей медлительностью и упредил нас. Вместо нашего наступления противник большим количеством танков сам начал наступать, *прорвался через 75-й полк, который был на левом фланге, оставил 6 танков, подбитые 1-м батальоном*»⁹.

Из стенограммы беседы с Сухановым Александром Александровичем, гвардии капитаном, командиром батальона 1073 полка. Беседу осенью 1942 г. проводил А.А. Бек, стенографировала Уфлянд

«16/XI немцы возобновили наступление и 17/XI прорвались из Волоколамска на Дубосеково, где стояла 4-я рота 75 полка, и где колонне танков преградила путь горстка храбрецов в 28 человек, стойко отражавшая атаку 50-ти немецких танков (Подвиг 28).

К 16/XI положение было таково. 2-й батальон обороняет Ядрово, 3-й батальон вовсе не существует, остатки его влились в 2-й батальон, так как большая часть погибла в боях за Волоколамск и на подступах к городу. 1-й батальон, находясь в резерве дивизии, обороняет ст. Матренино, Горюны, 2-я стрелковая рота находится в районе отметки 231,5.

Немцы в количестве 30 танков в районе Дубосеково прорывают оборону 75 полка и выходят на Ядрово, прямо к лесу по направлению к штабу полка. Мы принимаем короткий, непосильный бой и небольшая группа штабных работников и приштабных подразделений»¹⁰.

Итак, с чем можно согласиться, в чем нет принципиальных расхождений у всех интервьюируемых панфиловцев. С тем, что противник, упредив наше наступление на Волоколамск 16 ноября, сам начал в этот день вести активные боевые действия (начало второго ноябрьского наступления на Москву) в полосе обороны 316-й стрелковой дивизии Панфилова, нанеся основной удар по ее левому флангу, где держал оборону 1075-й полк полковника Капрова. Причем первыми приняли на себя удар на левом фланге полка небольшие подразделения (до взвода) истребителей танков 4-й и 5-й рот в районе ж.д. разъезда Дубосеково и д. Ширяево, которые окапывались на танкоопасных направлениях, перекрывая в первую очередь шоссе и дороги, ведущие к Москве, а также рота автоматчиков (13 человек) под командованием М. Габдуллина, которая была придана для усиления 5-й роты.

Несмотря на героические действия бойцов и командиров 4-й и 5-й рот, которые смогли успешно отразить первые атаки противника, во второй половине дня немцам все же удалось прорвать линию обороны 1075-го полка и выйти в тыл соседнего 1073-го полка. При этом обе роты понесли довольно существенные потери в личном составе. Так, по словам Б. Джетпысбаева, из 75-ти человек 5-й роты в живых остались только 15 человек. Командир 1075-го стрелкового полка И.В. Капров в ходе допроса его следователями военной прокуратуры в 1948 г. показал, что «больше всего пострадала от атаки 4-я рота; во главе с командиром роты Гундиловичем *уцелело человек 20—25*, остальные все погибли», другие роты пострадали меньше¹¹.

А теперь, чтобы проверить объективность и достоверность информации, полученной нами из стенограмм бесед с панфиловцами, обратимся сначала к боевым донесениям и оперативным документам из 316-й стрелковой дивизии и 16-й армии Западного фронта, а затем к немецким документам — боевым донесениям 2-й немецкой танковой дивизии, которая наступала в эти дни в районе Ширяево — Дубосеково — Петелино.

Политдонесение начальника политотдела 316-й СД батальонного комиссара Галушко¹² начальнику политотдела 16-й армии полковому комиссару Масленову. Село Гусенево 17.11.41 г.

«15.11.41 г. вечером был получен боевой приказ о наступлении частей 316 СД. Все работники политотдела выехали в части, для мобилизации всего личного состава на выполнение боевого приказа.

Во всех частях 316 СД 15.11.41 г. вечером были проведены партийно-комсомольские собрания по ротам с вопросом: задачи коммунистов и комсомольцев в наступлении, провели совещания политработников части с вопросом: о задачах предстоящего наступления, в окопах со всеми бойцами были проведены беседы, всей работой руководили комиссары частей и работники политотдела, выехавшие в части.

Настроение личного состава частей после проведенной работы было исключительно боевое, люди рвались в бой, с нетерпением ждали наступления.

16.11.41 года утром в 8.00 противник раньше нас начал наступление на левом фланге нашей обороны в районе 1075 СП¹³. *Несмотря на исключительное мужество и героизм, который был проявлен личным составом 1075 СП, все же задержать наступление противника в этом районе не удалось*, противник занял Нелидово, Н. Никольское, вышел на Московское шоссе, занял Ядрово и Рождествено.

Линия нашей обороны проходит с Горюны — Шишкино¹⁴.

Противник наступал в количестве *50—60 танков* тяжелых и средних и довольно большое количество пехоты и автоматчиков.

1075 СП в борьбе против такого количества танков имел *2 взвода П.Т.Р.¹⁵ и одну противотанковую пушку*. Эффективность действия П.Т.Р. против тяжелых танков пр[отивни]ка невысокая, потому что задержать движение танков пр[отивни]ка не удалось, также нет сведений о том, какое количество танков пр[отивни]ка П.Т.Р. вывел из строя.

1075 СП понес большие потери, *2 роты потеряны полностью*, данные о потерях уточняются, сообщим в следующем донесении.

1075 СП дрался до последней возможности, командование полка оставило командный пункт только тогда, когда в расположении командного пункта появились танки пр[отивни]ка, атака танков пр[отивни]ка на Шишкино была дважды отбита, и наступление пр[отивни]ка приостановлено, танки пр[отивни]ка 17.11.41 г. утром направились на Голубцово. По неуточненным данным в районе 1075 СП подбито *не меньше 9 танков* пр[отивни]ка.

1073 полк в результате наступления оказался разрезанным на две части, 2-й батальон отошел в расположение 690 СП. 1-й батальон остался в районе Горюны.

В ночь с 16 на 17 690 и 1077 СП занимают прежние районы обороны.

Были приняты самые решительные меры к тому, чтобы не допустить беспорядочного отхода и ухода бойцов с позиций, для чего своевременно были выставлены группы заградотряда. И с самого начала беспорядочный отход кр[асноармей]цев был приостановлен.

Люди отходили организованно, а отдельные группы, пытавшиеся уйти подальше в тыл, были задержаны заградотрядом и направлены в свои части для занятия обороны»¹⁶.

Как видно из политдонесения, 16 ноября на позиции, обороняемые 1075-м полком, наступало 50—60 танков противника и большое количество пехоты с авто-

матчиками. На весь полк имелось два взвода П.Т.Р. и одна противотанковая пушка. «Несмотря на исключительное мужество и героизм, который был проявлен личным составом 1075 СП, все же задержать наступление противника в этом районе не удалось», полк понес значительные потери: «2 роты потеряны полностью». При этом в ходе боя панфиловцам удалось подбить не меньше девяти немецких танков.

Если мы сопоставим это политдонесение со статьей Г. Иванова, в которой впервые было сообщено о героических действиях одной из рот полка Капров, то мы увидим, что, скорее всего, основой для его публикации в газете «Известия» стали сведения, изложенные в данном политдонесении. Во-первых, это количество танков противника, наступавших на наше подразделение, — до 60, во-вторых, характеристика боя, когда «наши противотанковые подразделения открыли интенсивный огонь», когда «во взаимодействии с артиллерией начала действовать наша стрелковая рота», а затем «подпустив фашистов на близкое расстояние, красноармейцы забросали их гранатами». И наконец, девять немецких подбитых танков, три из которых были сожжены.

В Научном архиве Института российской истории РАН, в одном из разделов фонда Комиссии, находятся копии оперативных документов штаба 16-й армии, которые были сделаны сотрудниками архива Министерства обороны СССР (ныне ЦАМО РФ) после их рассекречивания в 1954 г. для Института истории АН СССР, готовившего тогда публикацию сборника документов о битве под Москвой. Приведем некоторые из этих документов.

Так, 16 ноября 1941 г. в 23 часа 16 минут начальнику штаба Западного фронта сообщали из штаба 16-й армии о ходе боя в полосе 316-й дивизии:

«...2) До пехотного полка с 24 танками противник перешел в наступление в стыке 316 СД и Доватора.

В 14.00 отбросили левый фланг 316 СД и вышли рубеж Ядрово, ст. Матренино, высота 231,5, на участке Доватора противник овладел Ширяево, Иванцево. Попытки овладеть Данилково и Сычи — отбиты...».

В 4 часа 25 минут 17 ноября из 16-й армии направили в штаб Западного фронта более подробную оперсводку № 50, которая отражала ситуацию к 17 часам 16 ноября. В ней, в частности, сообщалось следующее:

«1. Части армии в ночь с 15 на 16.11.41. произвели перегруппировку и в 10.00 16.11.41. перешли в общее наступление с задачей уничтожить Волоколамскую группировку противника (106, 25 ПД и 2 ТД) и овладеть рубежом Волоколамск, ст. Волоколамск.

Противник оказывает упорное сопротивление, ведя пулеметно-минометный и арт. огонь по боевым порядкам наступающих частей. Одновременно свыше двух полков пехоты противника с танками перешли в наступление в стык между 316 СД и Кав[алерийской] группой Доватора.

<...>

7. 316 СД с 9.00 левофланговым 1075 СП ведет упорный бой.

Противник силою до ПП¹⁷ с танками при поддержке бомбардировочной авиации 9.00 перешел в наступление и к 17.00 овладел рубежом Мыканино, Горюны, Матренино.

Группа автоматчиков прорвалась — Шишкино(...).

Как видим, из штаба К.К. Рокоссовского, командующего 16-й армии, в штаб Западного фронта Г.К. Жукову, командующему фронтом, поступала вполне объективная информация о состоянии и положении дел в полосе обороны 316-й дивизии по окончании боевых действий 16 ноября, в первый день немецкого наступления на левом фланге 16-й армии.

В 1948 г. бывший командир 1075-го полка И.В. Капров рассказывал следователям прокуратуры:

«С раннего утра 16 ноября немцы сделали большой авиационный налет, а затем сильную артиллерийскую подготовку, особенно сильно поразившую позицию 2-го батальона. Примерно около 11 часов на участке батальона появились мелкие группы танков противника. Всего было на участке батальона 10—12 танков противника. Сколько танков шло на участок 4-й роты, я не знаю, вернее, не могу определить. Средствами полка и усилиями 2-го батальона эта танковая атака немцев была отбита. В бою *полк уничтожил 5—6 немецких танков*, и немцы отошли...». И далее: «Около 14.00—15.00 немцы открыли сильный артиллерийский огонь по всем позициям полка, и вновь пошли в атаку немецкие танки. Причем шли они развернутым фронтом, волнами, примерно по 15—20 танков в группе. *На участок полка наступало свыше 50 танков*, причем главный удар был направлен на позиции 2-го батальона, т.к. этот участок был наиболее доступен танкам противника. В течение примерно 40—45 мин. танки противника смяли расположение 2-го батальона, в том числе и участок 4-й роты, и один танк вышел даже в расположение командного пункта полка и зажег сено и будку, так что я только случайно смог выбраться из блиндажа; меня спасла насыпь железной дороги. Когда я перебрался через железнодорожную насыпь, около меня стали собираться люди, уцелевшие после атаки немецких танков(...)¹⁸.

Интересно отметить, что писатель А.А. Бек, который в марте 1942 г. находился в панфиловской дивизии и занимался сбором материала для написания своей книги, просматривал также и дивизионную газету «За Родину». Вот какая запись была сделана им 30 марта 1942 г. в своей записной книжке:

«В жесточ[айших] боях у села Н[елидово] бойцы и командиры т. Капова подбили 8 танков. Безотказно бьет сов. п[ротивотанковое] оружие»¹⁹.

Но еще более откровенный характер носит запись, сделанная им после 19 февраля 1943 г.:

«Логвин[енко] признавал героями только мертвых.

(Нрзб). “Ах, почему я не погиб?” Это врзалось.

Смерть и жизнь в бою это случайное явл.

До сих пор это блестит и царств., бл[агодаря] нашим редакторам.

Живыми у нас пренебрегают. В 10 раз больше (сделал), чем убитый, тебя не признавали.

Из нагр[ажденных] всего 6 чел. жив., 46 мерт. Вся кор[респондентская] и писат[ельская] масса заражена этим политиканством.

Дали герою погибнуть. Погибшему герою прип[исали] то, чего не было. Этим оскорбили боевой коллектив. Дали ему погибнуть.

Боевая артель — выручили. Если герой погиб, печатают, жив — не печатают. Приписывают даже убитым то, что не было.

28 брошены на произвол судьбы. По мне 200 чел. Кому это делает честь? Все заражены этим. Оказывает ли это услугу? Оказывает, но медвежью.

Отвага призн[ается] независимо от того живой или мертвый (...)

Если тебя убили — это не твоя заслуга. Это заслуга немца (...)

Награды заслуживает лишь тот, кто выполнил с отличием, независимо ранен, убит.

А смотреть с отличием или без отличия.

Неуравновешенные люди шарахаются из стороны в сторону.

Это писал не я. Писала жизнь. Я сам нахожу там новое (...)²⁰.

На наш взгляд, приведенные в этих документах факты в большинстве своем соответствуют тому, о чем рассказывали, спустя некоторое время, оставшиеся в живых панфиловцы, когда давали интервью сотрудникам Комиссии по истории Великой Отечественной войны.

А теперь обратимся к статье канадского историка Александра Статиева «Гвардия умирает, но не сдается!»: еще раз о 28 панфиловских героях», которая была опубликована в 2012 г. в журнале «Критика»²¹. В ней автор впервые приводит документы 2-й немецкой танковой дивизии, которая вела наступательные бои против 316-й панфиловской дивизии в ноябре 1941 г.

16 ноября, за два дня до начала генерального наступления, 2-я танковая дивизия 46-го танкового корпуса должна была начать небольшое наступление, чтобы сохранить хорошие позиции для наступления 5-го армейского корпуса. В своем составе 2-я танковая дивизия имела один танковый полк, состоявший из двух батальонов, предположительно, в них имелся полный набор в 90 танков, т.е. по 45 танков на батальон. Архивные дела дивизии не показывают, сколько у них было танков на ходу к началу атаки. У них был полный комплект к началу октября, но дивизия прошла через период очень тяжелых октябрьских боев, и, возможно, что у них к середине ноября танков было меньше, чем полный боекомплект²².

Позиции 1075 СП располагались вдоль фронта на 12 км от Волоколамского шоссе через д. Нелидово и ст. Дубосеково до д. Ширяево. 2-я танковая дивизия получила приказ организовать три боевых группы для небольшого наступления 16 ноября. 1-я боевая группа состояла из танкового батальона, а также пехоты и артиллерийских подразделений. И эта 1-я боевая группа должна была пробиться через левый фланг 1075 СП, затем пройти севернее вдоль железнодорожной линии. 2-я боевая группа состояла из танковой роты и пехоты и артиллерийских подразделений. И должна была пробиться через центр того же полка и двигаться параллельно первой боевой группе. К концу дня боевые группы должны были достигнуть деревень Лысцево и Рождествено (8 км к северу от Дубосеково) И в следующие дни они должны были продвигаться еще на 10 км в том же направлении. 3-я боевая группа должна была развивать прорыв, достигнутый 1-й и 2-й группами²³.

Германское наступление началось в 6.30, за два часа до начала советского наступления, и стало, по мнению А. Статиева, полностью неожиданным для 316-й СД.

В связи с тем, что подробных докладов о боевых действиях за 16 ноября из 316-й СД нет, а есть более поздние, но и в них нигде не говорится о бое возле Дубосеково, это показывает, по мнению канадского историка, что командиры не выделяли этот бой среди других.

Немецкие документы дают возможность восстановить ход битвы 16 ноября.

2-я боевая группа легко прорвалась через центр 1075 СП в Нелидово в течение часа после начала атаки. Более сильная 1-я группа продвигалась вдоль линии железной дороги, но встретила со свирепым противостоянием врага к северу от ст. Дубосеково и к северу от Ширияева, т.е. на позициях, занимаемых 2-м батальоном 1075 СП. Описание этого эпизода во всех немецких документах ограничивается тремя словами: *«свирепое сопротивление врага»*. Эта ремарка оценивает сопротивление в Дубосеково, защищаемое ротой, в которой служили эти двадцать восемь, и в Ширияево, которое защищалось другой ротой, такой же сильной. Двумя строчками описаны события утра 16 ноября: *«Враг был слаб, но сопротивлялся упорно, используя возможности рельефа местности»*²⁴.

1-й боевой группе потребовалось несколько часов, чтобы сломить сопротивление батальона, после чего обе боевые группы быстро продвигались севернее без проблем до тех пор, пока не достигли своих дневных целей/рубежей и позиций 1073-го полка (также успешно к концу этого дня).

1-я боевая группа попыталась сделать нечто большее, чем было поставлено планом, и взять деревни Голубцово и Авдотьино. Командир 1073-го полка докладывал, что немцы атакуют 40 танками. Подсчет был, по-видимому, точный. Но полк удержал свои позиции, чему помогли сумерки.

Доклады 2-й танковой дивизии показывают, по мнению автора статьи, что она не столкнулась с какими-то серьезными проблемами в течение этого дня. В итоговом донесении, которое поступило вечером 16 ноября, говорилось, что враг был удивлен наступлением и показал недостаток силы духа²⁵.

Но позднее впечатление немцев о своем противнике менялось коренным образом на протяжении последующих дней.

Остатки 75-го полка отступили к Шишкино и получили дополнительную помощь из шести танков. На следующее утро 1-я боевая группа атаковала их позиции 17 танками, но не смогла взять их позиции до вечера, потому что сопротивление там возросло во много раз, по сравнению с 16 ноября. Часть 1-й и 3-й боевых групп, усиленных всеми танками 2-й боевой группы, атаковали позиции 73-го полка в Ченцах и Голубцово. Они планировали взять эти деревни ранним утром, но взяли их только поздним вечером после жестоких атак и не смогли продвинуться дальше за них²⁶.

В день X, 18 ноября, 5-й армейский корпус смог немного продвинуться, преодолевая невероятное сопротивление, оказанное 73-м и 75-м стрелковыми полками. А 1077-й и 690-й стрелковые полки удерживали свои позиции 16—17 ноября, они были полностью или частично окружены, но разбиты только 18 ноября²⁷. Вечером 18 ноября 316-я СД отступила на 4 км восточнее на новые позиции, которые она удерживала 19—20 ноября против всех атак подразделений 5-го армейского корпуса и 46-го танкового корпуса. Только поздним вечером 20 ноября дивизия отступила еще на 18 км восточнее, но затем она удерживала эти позиции еще три дня, но опять же с жесточайшим сопротивлением²⁸.

По мнению А. Статиева, между 16 и 19 ноября два из трех полков 316-й СД были полностью разбиты: к 20 ноября 1077-й полк сократился до 700 человек, 1073-й имел 200 человек, а 1075-й — 120 человек. (В приданном дивизии 690-м СП осталось 180 человек.) Как утверждало в своем боевом донесении командование дивизии, в период между 16 и 18 ноября силами 1077-го полка было уничтожено девять немецких танков, силами 1073-го полка — пять танков, а 1075-й полк уничтожил четыре танка за эти же дни²⁹.

Несмотря на то, что 316-я стрелковая дивизия отступила 16 ноября, она избежала разгрома в последующие дни. Она уступила землю в тяжелых боях. В связи с ее ожесточенным сопротивлением 2-я танковая дивизия не дошла 25 км до той цели, которая была поставлена 18 ноября³⁰, к такому выводу приходит в своей статье Статиев. Красная Армия сконцентрировала свои силы против немецкого наступления. По мнению канадского историка, немцы были гораздо более впечатлены действиями 316 (8-й) СД между 17 и 23 ноября, чем 16 ноября. Это был единственный день, когда немецкое наступление развивалось в соответствии с планом³¹.

Сопоставляя сведения немецких источников с документами Красной Армии и стенограммами бесед с панфиловцами, можно получить более объективную картину боя 16 ноября на левом фланге дивизии, в полосе обороны 1075-го полка. Как видно из немецких документов, 2-я немецкая танковая дивизия, насчитывавшая в своем составе около сотни боевых машин, наступала в этот день двумя боевыми группами. 2-я боевая группа, в составе которой была только рота немецких танков, нанесла удар в центр обороны полка, прорвав его оборону в районе Петелино. По всей видимости, именно здесь держала оборону 6-я рота, где политруком был П. Вихрев. На этом участке немцам удалось довольно быстро сломить нашу оборону и прорваться в тыл полка.

Более сильная 1-я боевая группа, насчитывавшая в своем составе около 40 боевых машин — танковый батальон, наносила удар в сторону д. Ширяево, где оборонялась наша 5-я рота, а затем должна была повернуть в сторону железнодорожной насыпи и продвигаться на север — на наши позиции в районе железнодорожного разъезда Дубосеково, где оборону держала 4-я рота. Если мы сопоставим эти сведения с рассказами М. Габдуллина и Б. Джетпысбаева, то увидим, что события развивались здесь именно так: часть немецких танков (по словам Габдуллина и Джетпысбаева, их было четыре или пять) вышли из д. Морозово и направились в сторону Ширяева. Получив отпор, они вынуждены были повернуть налево (от себя) и двинулись в сторону Дубосеково, на позиции, защищаемые 4-й ротой. Именно в этом районе Ширяево — Дубосеково атакующие немецкие танки 2-й танковой дивизии встретили ожесточенное сопротивление со стороны 4-й и 5-й рот 1075-го полка — *«свирепое сопротивление врага»*, как отмечают немецкие источники. В итоге 1-й боевой группе потребовалось несколько часов, чтобы сломить ожесточенное сопротивление наших рот. Тем не менее, и здесь оборона 1075-го полка была прорвана, и обе боевые группы 2-й немецкой танковой дивизии начали стремительно продвигаться на север вдоль ж. д. линии и во второй половине дня вышли в тыл соседнего 1073-го полка, который держал оборону в районе Ядрово — ст. Матренино — Мыканино. Как мы знаем из политдонесения

и рассказов панфиловцев, полк оказался разрезанным на две части: д. Ядро-во была занята немцами, 2-й батальон во главе с комиссаром полка П. Логвиненко стал отступать в сторону 690-го полка, а 1-й батальон под командованием Баурджана Момыш-Улы находился в резерве в районе Горюнов. На какое-то время управление полками было нарушено: Капров и Елин³² только на следующий день вышли к штабу 1-го батальона Момыш-Улы, а 2-й батальон 1073-го полка во главе с Логвиненко смог оторваться от противника благодаря заслону из «17-ти бесстрашных» во главе с лейтенантом Угрюмовым и политруком Георгиевым, которые остановили продвижение немецких танков ценой собственной жизни в районе д. Мыканино³³.

Чтобы быть объективным, надо признать, что 16 ноября, несмотря на героическое сопротивление панфиловцев, немецкое наступление успешно развивалось, и противник к концу дня достиг намеченных рубежей. Но, как об этом свидетельствуют даже немецкие документы, *это был единственный день. В последующие дни сопротивление 316-й дивизии не ослабевало, а все нарастало и нарастало, несмотря на то, что она была вынуждена отступать все дальше на восток, на новые рубежи.*

Немцы были вынуждены признать, что сопротивление дивизий Красной Армии на подступах к Москве с каждым днем становится все ожесточеннее, а продвижение вермахта — минимальным, при этом немецкие войска несут огромные потери в живой силе и технике.

Героизм, который проявили 16—17 ноября и последующие дни все полки 316-й (затем 8-й гвардейской) стрелковой дивизии, подтверждают почти все опрошенные сотрудниками Комиссии командиры, политработники и рядовые бойцы. Так, наряду с подвигом 28-ми панфиловцев у разъезда Дубосеково, они рассказывают о подвиге 17-ти бойцов из 1073-го полка в районе с. Мыканино и подвиге 11-ти саперов из 1077-го полка в районе с. Строково³⁴.

Однако многие факты, которые были установлены в ходе расследования военной прокуратурой в 1948 г., на наш взгляд, соответствовали действительности. И прежде всего, это касается расследования того факта, как и когда впервые появилось число 28 в истории боя у разъезда Дубосеково. Есть все основания полагать, что оно было придумано военным корреспондентом В. Коротеевым и главным редактором газеты «Красная Звезда» Д. Ортенбергом. Был ли здесь какой-то злой умысел? Думается, что нет. Просто журналисты хотели, чтобы обезличенный подвиг целой роты (5-й или 4-й, не важно) выглядел более человечно (и оттого более драматично). Но они не смогли предвидеть последствий такого своего вымысла. Что же произошло вскоре? Передовая статья в газете вызвала многочисленные отзывы, причем в первую очередь со стороны высшего партийного руководства страны. Предоставим слово Ортенбергу:

«Одним из первых позвонил мне Михаил Иванович Калинин и сказал:

Читал вашу передовую. Жаль людей — сердце болит. Правда войны тяжела, но без правды еще тяжелее. Хорошо написали о героях. Надо бы разузнать их имена. Постарайтесь. Нельзя, чтобы герои остались безымянными.

Затем мне сообщили, что передовую читал Сталин и тоже одобрительно отзывался о ней»³⁵.

Понятно, что в такой ситуации что-то менять было поздно. Единожды солгав, нужно было продолжать идти по этому пути, создавая, тем самым, легенду о 28-ми панфиловцах. Что можно сказать в оправдание Ортенберга, Коротеева и Кривицкого? На наш взгляд, самое главное это то, что в основе всех публикаций военных журналистов «Красной Звезды» лежат реальные события, происходившие 16 ноября 1941 г. в районе Ширяево — Дубосеко, где ожесточенное сопротивление наступавшим частям 2-й немецкой танковой дивизии оказали командиры, бойцы и политработники 4-й и 5-й рот 1075-го полка. К сожалению, литературный вымысел журналистов оказался сильнее правды, в какой-то момент он оттеснил на второй план историческую достоверность. Но в тех условиях, когда немцы рвались к Москве, когда народу нужно было показать подвиг и самопожертвование, вселить в него уверенность в то, что Красная Армия отстоит нашу столицу, такой подвиг оказался чрезвычайно востребованным и нужным.

В жестоких оборонительных боях на подступах к Москве 8-я гвардейская стрелковая дивизия имени генерала И.В. Панфилова нанесла противнику большой урон в живой силе и технике. Находясь на направлении главного удара на волоколамском направлении, она не пропустила немцев к Москве. Панфиловцы отдали свои жизни, но отсталяли Москву!³⁶

Подвиг был, и был он не только 16 ноября 1941 г. у разъезда Дубосеково, и героев было не только двадцать восемь! В течение 60 дней 316-я (затем 8-я гвардейская) стрелковая дивизия самоотверженно оборонялась на всем протяжении от Волоколамска до станции Крюково. 316 СД не была разбита немецкими танковыми дивизиями, под их натиском не бежала, а медленно отступала на новые рубежи. И это заслуга всего боевого коллектива. Командование дивизии во главе с генералом И.В. Панфиловым всего за три месяца смогло превратить вчерашних ополченцев в настоящих солдат-гвардейцев, обучить их навыкам современного оборонительного боя, позволявшего наносить гитлеровским захватчикам непоправимый урон. Политработники своим примером на поле боя воодушевляли и поддерживали рядовых бойцов, вселяли в них уверенность в то, что немцев тоже можно бить³⁷. А рядовые панфиловцы честно и до конца исполнили свой солдатский долг: большинство из них погибло, но врага они не пропустили.

Из стенограммы беседы с Поцелуевым-Снегиным Дмитрием Федоровичем, гвардии майором. Сначала командир батареи, командир дивизиона, позднее начальник штаба артиллерийского полка, начальник штаба артиллерии дивизии. Запись беседы сделана 20 декабря 1946 г. в г. Алма-Ате

«Два месяца, 60 ночей и дней, мы варились в этом котле. Когда мы пришли на станцию Нахабино и подвели свои итоги, то мы поняли, что уже теперь мы солдаты в самом хорошем, настоящем смысле этого слова(...) И когда мы попали в Москву со ст[анции] Нахабино, мы были поражены, что в Москве висели плакаты: “8-я гвардейская — защитница Москвы”, по радио передавали какую-то песню. И когда случайно знакомый встречал тебя, он всех своих знакомых останавливал: “Вот, из 8-й гвардейской”, и толпа возникала.

Почему? Должно быть, честно говоря, хорошо дрались. Под Москвой совсем не думали, что дрались хорошо, а просто мы не могли по иному»³⁸.

- ¹ Очень часто комиссию называли просто «Комиссией Минца», так как И.И. Минц руководил всей научно-организационной работой комиссии с момента ее образования в декабре 1941 г. и до момента ее ликвидации в декабре 1945 г. Подробнее об истории создания Комиссии и ее деятельности см.: *Лотарева Д.Д.* Комиссия по истории Великой Отечественной войны и ее архив: реконструкция деятельности и методов работы // Археографический ежегодник за 2011 год. М., 2014. С. 123—166.
- ² СД — стрелковая дивизия.
- ³ *Красиков В.А.* История российских побед без ретуши. М., 2010. С. 184.
- ⁴ Цит. по: *Бек А.А.* Волоколамское шоссе: тетралогия. М.: Худож. лит., 2014. С. 539.
- ⁵ Известия. 1941. 19 нояб. См.: Научный архив Института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). Ф. 2, раздел IV. Оп. 1 (Личное дело на Героя Советского Союза Панфилова И.В.).
- ⁶ Там же. Раздел I. Оп. 28. Д. 27. Л. 4—4 об.
- ⁷ Там же. Раздел IV. Оп. 1 (Дело на Героя Советского Союза Габдуллина Малика). Л. 8—9.
- ⁸ Там же. Раздел I. Оп. 28. Д. 18. Л. 3 об.—4 об.
- ⁹ Там же. Д. 1. Л. 8.
- ¹⁰ Там же. Д. 3. Л. 5.
- ¹¹ Цит. по: *Катусев А.Ф.* Чужая слава // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 73—74. Впервые фрагменты из следственного дела И.Е. Добробабина, в котором имеются показания бывшего командира 1075-го полка И.В. Капрора, военных корреспондентов В. Чернышева, В. Коротеева, литературного секретаря газеты «Красная звезда» А. Кривицкого и редактора этой газеты Д. Ортенберга, которые они давали по этому делу в ходе следствия в 1948 г., были опубликованы в статье сотрудника Главной военной прокуратуры СССР генерал-лейтенанта юстиции А.Ф. Катусева «Чужая слава» в «Военно-историческом журнале» № 8—9 за 1990 г.
- ¹² Политдонесение подписано за Галушко другим лицом — подпись неразборчива.
- ¹³ СП — стрелковый полк.
- ¹⁴ Эта фраза зачеркнута.
- ¹⁵ П.Т.Р — противотанковое ружье.
- ¹⁶ Сегодня это политдонесение (копия из Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации) находится в одной из витрин музея панфиловцев в с. Нелидово. Интересно отметить, что о деятельности заградотряда в эти дни написал в книге «Волоколамское шоссе» А.А. Бек: «Прошел небольшой отряд в строю — не поймешь, рота или взвод, — с командиром впереди. И опять в беспорядке тянутся отбившиеся от своих подразделений истомленные, вымотанные люди. Вот кто-то повстречал, узнал однополчанина. — Николай, ты?! А наши где? Спрошенный махнул рукой. Жест сказал: пропали! Я смотрел не отрываясь. Знал, что в нескольких километрах позади, в селе Покровском, развернут заградительный пункт — об этом сообщил мне Панфилов, — где уже останавливают, собирают, приводят в порядок бредущих бойцов (...)» (*Бек А.А.* Указ. соч. С. 500). В отличие от других подразделений, 316-я СД выполнила приказ Ставки об организации заградотрядов от 5 сентября 1941 г. Так, если 24 сентября заградотряд составлял 300 человек, то 18 ноября он был сокращен до 150 человек.
- ¹⁷ ПП — полк пехоты.
- ¹⁸ Цит. по: Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 73—74.
- ¹⁹ По всей видимости, эта строчка из передовицы или статьи из дивизионной газеты «За Родину» за ноябрь — декабрь 1941 г. См.: XX век. Писатель и война: архивные материалы Отдела рукописей ИМЛИ РАН. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 171.
- ²⁰ Там же. С. 201.
- ²¹ См.: *Statiev A.* «La Garde meurt mais ne se rend pas!»: Once Again on the 28 Panfilov Heroes // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* (Fall 2012). 13, 4. P. 769—798. Перевод с английского Д.Д. Лотаревой.
- ²² *Ibid.* P. 773. В период между 5 и 8 декабря 1941 г. 2-я танковая дивизия имела на ходу 52 исправных танка, что составляло 60% от комплекта. Это означает, что полный боекомплект должен был насчитывать 90 танков.
- ²³ *Ibid.* P. 775.
- ²⁴ *Ibid.* P. 776.
- ²⁵ *Ibid.* P. 777.
- ²⁶ *Ibid.*
- ²⁷ Вернее будет сказать, что эти полки понесли значительные потери, но разбиты они не были. В последующие дни они продолжали оказывать наступающему противнику ожесточенное сопротивление, занимая новые рубежи.

²⁸ Ibid. P. 777—778.

²⁹ Здесь А. Статиев ссылается на боевое донесение № 25 начальника штаба 316-й СД Серебрякова. При этом, по мнению А. Статиева, неизвестно, сколько танков было уничтожено артиллерией 316-й СД, а также, кто конкретно уничтожил эти танки: пехота, артиллерия или приданные им танки. Таким образом, получается, что 18 немецких танков было уничтожено всеми тремя полками дивизии за 16—18 ноября, а не 28 панфиловцами в бою у разъезда Дубосеково, как об этом потом написали военные журналисты «Красной Звезды».

³⁰ Имеется в виду взятие Москвы.

³¹ Ibid. P. 779.

³² Командиры 1075-го и 1073-го стрелковых полков.

³³ Интересно отметить, что подвиг «17-ти бесстрашных» нашел свое отражение и в книге А.А. Бека «Волоколамское шоссе». В четвертой повести в главе «Секрет чистого бритья» лейтенант Угрюмов, командир отряда истребителей танков, по распоряжению генерала Панфилова направлен в Ядрово к майору Юрасову. Вечером 17 ноября, находясь в штабе у Панфилова в д. Шишкино, Момыш-Улы узнает о гибели Угрюмова и его отряда.

«— Помните, товарищ Момыш-Улы, лейтенанта Угрюмова?»

Я кратко ответил:

— Да(...)

— Погиб... А политрука Георгиева знавали? Тоже погиб. Почти весь этот маленький отрядец сложил головы. Но не пропустил танков. Девять машин подорвали, остальные ушли» (*Бек А.А. Указ. соч. С. 487*). Вместе с тем, следует отметить тот немаловажный факт, что в книге «Волоколамское шоссе» ни разу писатель не упоминает о бое 28-ми панфиловцев у разъезда Дубосеково, уничтоживших 18 немецких танков!!!

³⁴ Подробнее см.: *Дроздов К.С. Героев было не только двадцать восемь // Родина. 2012. № 5. С. 6—11; № 7. С. 8—16.*

³⁵ *Ортенберг Д.И. Июнь — декабрь сорок первого: рассказ-хроника. М.: Сов. писатель, 1984. С. 283—284.*

³⁶ Панфиловская дивизия потеряла в боях под Москвой 9920 человек (3620 убитыми и 6300 ранеными) из 11 700 числившихся к началу сражения. См. интервью маршала Д. Язова, опубликованное в газете «Комсомольская правда» от 15 сентября 2011 г.

³⁷ Не случайно, что три политрука из панфиловской дивизии — В. Клочков, П. Вихрев и М. Габдуллин — за бои под Москвой были удостоены звания Героя Советского Союза, причем В. Клочков и П. Вихрев — посмертно.

³⁸ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел I. Оп. 28. Д. 32. Л. 8—9 об.

Т.М. Жиркова

Проблемы коллаборационизма в преподавании школьного курса истории Великой Отечественной войны

Изучение коллаборационизма в школьном курсе истории является крайне непростой проблемой. Можно выделить несколько причин этого:

— Во-первых, в исторической науке этому вопросу уделяется мало внимания. В послевоенное десятилетие было принято больше говорить об истоках победы и героизме народа, чем о фактах сотрудничества с врагом. В период перестройки, когда стали активно изучаться «белые пятна» истории, предпринимались отдельные попытки оправдать коллаборационизм, в том числе и военный¹, что вызвало в обществе негативную реакцию.

— Во-вторых, у историков и педагогов нет единого взгляда на данное явление, что еще больше усложняет ситуацию.

— В-третьих, основные средства обучения, и прежде всего школьный учебник, дают учителю ограниченный набор методических приемов, с помощью которых можно было бы изучать такое непростое явление, раскрыть его причины и проанализировать последствия.

В июне 2011 г. директор Института всеобщей истории РАН, академик Александр Чубарьян заявил, что «говорить о коллаборационистах необходимо. Это миллион с лишним советского населения. Не только на Украине, но и в России, на Кавказе...»². И это был, безусловно, шаг в верном направлении.

Так как же современная школа трактует проблему коллаборационизма, и с какими трудностями приходится сталкиваться учителю-историку при преподавании этого вопроса? Попробуем разобраться.

В марте 2015 г. на базе Московского государственного областного социально-гуманитарного института (МГОСГИ) проводился семинар для учителей истории по проблемам преподавания вопросов военной истории. На нем, кроме прочих, был затронут и вопрос коллаборационизма.

Слушатели семинара высказали две диаметрально противоположные точки зрения. Одна группа учителей считала, что изучать коллаборационизм необходимо. Это, по их мнению, позволит показать ученикам всю сложность и неоднозначность социальных процессов, вызванных войной. Многие педагоги отмечали, что сейчас у старшеклассников складывается достаточно схематичное представление о войне, основанное только на изучении крупных битв, и это не всегда находит у учеников эмоциональный отклик.

Другая группа учителей утверждала, что изучать проблему коллаборационизма в школе не нужно и даже вредно, потому что это «посеет еще больше сумятицу в неокрепшие детские умы». Как сказал один из педагогов, «если ты мыл пол в столовой врага — ты тоже враг. Остальное все либеральная болтовня». Несмотря на продолжительную дискуссию, выработать общую позицию нам так и не удалось. О чем это свидетельствует?

В учительской среде есть резкое неприятие подобных вопросов. А если сам учитель настроен столь категорично, его мнение, разумеется, будет влиять на отношение учеников к данной проблеме.

Тем не менее, мы уверены, что изучать коллаборационизм необходимо. Об этом же говорит современная концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. Ее авторы пишут: «следует обозначить также проблему *коллаборационизма*, показав принципиальные черты отличия этого явления в СССР от покоренных Гитлером стран Европы, а также причины его появления в советском обществе военной поры»³. Также предполагается, что ученики должны усвоить такие понятия, как «коллаборационизм» и «влаговцы».

В нынешних учебниках истории, входящих в федеральный комплект, коллаборационизм изучается в рамках тем, показывающих положение общества в годы войны. С разной степенью подробности в учебниках можно найти информацию о причинах коллаборационизма, объединениях коллаборационистов и их деятельности, численности сотрудничавших с фашистами и оценках коллаборационизма. Порой авторы учебника заменяют термин